

В 2025 году минуло десять лет со дня ухода из жизни одного из крупнейших в нашей стране специалистов в области новейшей отечественной истории – доктора исторических наук Александра Владимировича Островского (1947-2015). Перу Александра Владимировича принадлежит более 150 научных публикаций, в том числе ряд снискавших себе широкую известность монографий – «Кто стоял за спиной Сталина?», «Кто поставил Горбачёва?», «1993. Расстрел ‘Белого дома’», «Российская деревня на историческом перепутье», «Россия. Самодержавие. Революция» и многие другие исследования. Во многом благодаря деятельной энергии и бесконечной работоспособности Александра Владимировича в Санкт-Петербурге выходил альманах «Из глубины времён», объединивший широкий спектр научных исследований, посвящённых истории России рубежа XIX-XX вв. Долгое время Александр Владимирович работал в должности профессора кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, у которого и по книгам которого изучали основы исследовательской работы ряд нынешних работников кафедры истории и регионоведения – И. А. Цверианашвили, А. В. Неровный и А. Б. Гехт. Публикация одной из известных статей А. В. Островского призвана почтить память выдающегося историка со стороны его коллег и учеников.

*Главный редактор сетевого научного журнала
«Социогуманитарные коммуникации» А. Б. Гехт.*

УДК 94(47).083:323.2:316.344.3

ЭЛИТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

A. В. Островский

В статье предлагается новый взгляд на причины и механизмы революционных событий 1917 года в России через призму кризиса правящей элиты. Автор подвергает критике упрощенные модели революций, существовавшие в историографии, и выделяет три возможные модели, отмечая, что в России 1917 года сочетались элементы всех трёх. Ключевым аргументом является тезис о внутренней неоднородности и глубоком расколе «верхов» общества как главной предпосылке революции. В центре внимания – анализ структуры и состава российской элиты начала XX века (бюрократической, военной, парламентской, партийной, земельной, предпринимательской, духовной), оценка её численности (около 25-30 тыс. человек) и внутренних противоречий. Исследуются социально-экономические корни элиты, её связи с иностранным капиталом, а также роль либерально-оппозиционных и даже революционных элементов внутри неё. Автор ставит задачу персонального изучения элиты, создания банка биографических данных её представителей для понимания причин паралича власти, который привёл к падению старого режима и приходу к власти большевиков, получивших поддержку части старой элиты.

Ключевые слова: революция 1917 года, российская элита, кризис верхов, модели революции, классовая борьба, бюрократическая элита, военная элита, земельная аристократия, предпринимательская элита, социальная структура, иностранный капитал, поддержка революционного движения, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война, историография.

Пройдут годы, но мы еще долго будем обращаться к тем историческим событиям, которые хотя и не потрясли мир, как это еще недавно считалось, за-

то до основания потрясли все наше общество и надолго предопределили его судьбу. Речь идет о революционных событиях 1917 г. Можно по-разному тол-

ковать их исторический смысл, можно по-разному оценивать их значение, бесспорно одно – любая революция это социальная драма, в которой и победы, и поражения покупаются ценой крови [1]. Поэтому, не отказывая угнетенным в праве на революцию, следует признать, что это один из наиболее «дорогих», а, следовательно, и наименее желательных способов разрешения назревших социальных проблем. Что же предопределило именно такое развитие событий в нашей стране? И почему господствовавшие классы, которые стали первой же их жертвой, оказались неспособными предотвратить кровавую развязку?

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего необходимо отказаться от того упрощенного понимания механизма революций, которое сложилось в нашей литературе [2]. По всей видимости, можно говорить не менее чем о трех типах или моделях революции. Для первой из них характерно стихийное нарастание в обществе социальной напряженности и складывание такой ситуации, когда, если пользоваться словами В. И. Ленина, «верхи» не могут управлять, а «низы» не могут жить по-старому. В результате, «правящие верхи» теряют способность контролировать ход событий, и их сметает волна стихийного (более или менее самоорганизованного) народного движения. Вторая модель характеризуется резким обострением противоречий не только между «низами» и «верхами» общества, но и в самих «верхах», под влиянием чего одна часть господствующего класса (классов) в борьбе против другой использует, а если нужно, то стимулирует (организовывает) народное движение и, опираясь на него, отстраняет от власти своих политических противников. Главная особенность третьей модели заключается в том, что здесь центр противоречий лежит не внутри общества, а за его пределами. Поэтому главную роль в организации народного движения играют внешние факторы (банки, спецслужбы, партии и

т. д.), которые используют революцию для достижения своих экономических и политических целей.

Долгое время в нашей литературе события 1917 г. рассматривались в полном соответствии с первой моделью. Однако есть основания утверждать, что в данном случае имело место сочетание элементов всех трех моделей, и стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы определить, элементы которой из них играли главную роль. От того или иного решения этого вопроса во многом зависит понимание механизма складывания и развития «кризиса верхов».

Требуют пересмотра и утвердившиеся в нашей литературе упрощенные представления о классах и классовой борьбе. Обычно когда речь идет о классах, предполагается нечто более или менее однородное, объединенное общностью интересов. Между тем, несмотря на общность интересов, внутри каждого класса существуют свои внутренние противоречия, обострение которых в определенных ситуациях может парализовать внутриклассовую солидарность, а значит, и способность классов (как господствующих, так и угнетенных) отстаивать свои общие интересы. Именно такая ситуация сложилась в России к 1917 г.

Степень внутренней неоднородности классов, можно проиллюстрировать на примере поместного дворянства. В начале XVIII века, когда еще было далеко до его оскудения, 85% всех дворян являлись владельцами небольших деревень (до 25 дворов) и имели в своих руках лишь 15% всех крепостных крестьян, а остальные 85% крестьян принадлежали 15% дворянских семей. Причем более 50% крестьян находились в руках 3% дворян [3, С. 73], что подтверждается статистическими данными рубежа веков [4]. Поэтому хотя в качестве господствующего класса выступало все поместное дворянство, реальная власть в стране принадлежала незначительной его части, которую можно назвать дворянской аристократией или же элитой. Именно

она по существу и являлась действительным хозяином общества. Столь же неоднородным был и новый класс (буржуазия), процесс формирования которого продолжался в России вплоть до начала XX века и к которому постепенно переходила от дворянства как экономическая, так и политическая власть. С учетом этого представляется возможным рассматривать сложившийся в нашей стране к 1917 г. «кризис верхов» как кризис элиты российского общества.

И если мы хотим понять, как складывался и развивался этот кризис, элита российского общества начала XX века должна стать предметом специального изучения. Сразу же нужно отметить, что в данном случае слово «элита» используется как чисто рабочее понятие для обозначения того тонкого социального слоя, который концентрировал в своих руках основные рычаги экономической, духовной и политической власти и, используя их, имел возможность оказывать решающее влияние на все развитие страны. Кто же входил в состав этого слоя и насколько он был многочисленным? Не претендую на абсолютную точность, попробуем сделать хотя бы экспертную оценку. Очевидно, что решение такой задачи возможно только на основании формальных, более или менее, но условных признаков.

Начнем с бюрократической элиты. Она включала в себя, главным образом, чиновников I-IV классов, или же так называемых статских генералов. Из этого правила следует сделать, по крайней мере, два исключения. Во-первых, по своему положению доступ к власти имели чиновники и более низших рангов. Известны случаи, когда на должность губернатора назначались статские советники, а на должность вице-губернаторов – даже надворные советники. Очевидно, что по своему положению независимо от чина они входили в состав бюрократической элиты. А, во-вторых, по своему статусу к ней принадлежали далеко не все чиновники I-IV классов. Среди них (главным

образом это касается действительных статских советников) было много профессоров, директоров гимназий инспекторов народных училищ, лиц, занимавшихся благотворительностью, предпринимателей и так называемых «причисленных к министерствам», т. е. имевших чин статского генерала, но не занимавших никаких должностей в системе государственного управления. Так, в 1897 г. на 2,5 тыс. чиновников I-IV классов приходилось только около 1,5 тыс. соответствующих штатских должностей в государственном аппарате. В последующем «перепроизводство» чиновников продолжал расти и в начале XX века составляло не менее половины общего числа. Поэтому не будет большой ошибки, если из существовавших к 1917 г. 6 тыс. чиновников I-IV классов отнести к бюрократической элите максимум 3 тыс. человек [5].

Подобным же образом можно определить и численность военной элиты, включив в ее состав, прежде всего, генералов: и адмиралов, т. е. тоже лиц I-IV классов. В 1916 г. их насчитывалось около 2,5 тыс. человек [5]. В состав военной элиты необходимо также включить часть штаб-офицеров, занимавших: ответственные должности. Особенно это касается выпускников Академии Генерального штаба, офицеров гвардии и Отдельного корпуса жандармов. С поправкой на это общая численность военной элиты в России начала XX века тоже составляла не более 3 тыс. человек.

В 1905-1906 гг. Россия сделала первый шаг на пути превращения в конституционную монархию, поэтому в ней стал формироваться парламентская элита, включавшая в себя членов Государственного совета и Государственной думы. Следует ли к ней относить всех членов этих двух парламентских учреждений или же только часть их, исследователям еще предстоит решить. В любом случае парламентская элита России к 1917 г. не превышала 1,0 тыс. человек [7].

Функционирование парламентской системы предполагает существование

политических партий. Поэтому наряду с формированием парламентской элиты в России начала XX века имело место и образование элиты партийной. Прежде всего, ее представляли лидеры отдельных политических партий, т. е. лица, входившие в состав их руководящих органов. Вместе с тем в состав партийной элиты, по всей видимости, имеет смысл включить и тех функционеров, которые более или менее регулярно участвовали в различных партийных формах (съездах, конференциях, совещаниях и т. д.). При таком подходе общую численность партийной элиты, вероятно, можно определить в пределах 1-2 тыс. человек [8].

На протяжении нескольких столетий Россия являлась феодальным государством, главную роль в жизни которого играла земельная аристократия. Земельная аристократия являлась важным составным элементом российской элиты и в начале XX века. Первая и до сих пор единственная попытка определения численности высшего слоя землевладельцев в России этого времени была сделана В. С. Дякиным в 1978 г. в его книге «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг.». Опираясь на материалы Министерства финансов 1906 г. об исчислении подоходного налога, он отнес к этому слою землевладельцев, получавших доход более 10-20 тыс. руб. в год. Это были владельцы имений от 2-5 тыс. десяти земли и выше. Первых насчитывалось 6923 человека, вторых – 2775 [9, С. 14]. Принимая во внимание, что оклад чиновников IV класса в среднем составлял от 5-10 тыс. руб., [10] что во все времена бюрократия «кормилась» не только за счет жалования и что ее власть была намного значительнее той, которой располагал получавший одинаковый с нею доход помещик, к земельной аристократии в России начала XX века можно отнести лишь владельцев имений с доходом более 20 тыс. руб. в год, т. е. около 2,5-3,0 тыс. человек.

Если определить персональный состав бюрократической и военной элиты

сравнительно нетрудно, так как в нашем распоряжении имеются регулярно издававшиеся «Списки гражданским чинам» и «Списки генералам по старшинству», если сравнительно нетрудно установить персональный состав парламентской и партийной элиты, то выяснение состава земельной аристократии в России начала XX века требует специальных поисков. Первый опыт в этом отношении был сделан Л. М. Минарик в 1971 г. в ее книге «Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России в коне XIX – начале XX века», содержащей список около ста крупных землевладельцев России, обладавших имениями более 50000 десятин земли. [12]. Эта работа требует продолжения. Для подобных исследований важнейшими источниками являются списки избирателей по землевладельческой курии [11].

Еще сложнее определить численность и персональный став предпринимательской или же капиталистической элиты. Опираясь на названные выше материалы Министерства финансов и исходя из тех же критериев (10-20 тыс. руб. годового дохода и выше), В. С. Дякин определял численность «капиталистической элиты» (по его терминологии) в пределах от 16963 до 31725 человек [13]. В отличие от него А. Н. Боханов, оперируя понятием «предпринимательская элита» и используя, в качестве критерия определения ее численности участие не менее чем в пяти правлениях и советах акционерных предприятий, относит к этому социальному слою всего лишь 233 человека [14, С. 199]. Данные А. Н. Боханова и В. С. Дякина – это крайние границы, в пределах которых следует искать действительный показатель численности предпринимательской элиты. В качестве ориентира, вероятно, можно рассматривать численность купцов первой гильдии, к которым в России начала XX века принадлежало около 8 тыс. чел. [15].

Столь же сложным является и определение численности духовной эли-

ты. Если руководствоваться формальными критериями, то в первую очередь к ней следует отнести профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, представлявший собою цвет научной и педагогической интелигенции и насчитывавший в 1916 г. 6,5 тыс. человек [16, С. 269]. Учитывая что из этого числа необходимо исключить ту часть профессуры, которая была занята в государственном аппарате и в коммерческих предприятиях, но необходимо включить наиболее известных писателей, художников и т. д., и, допуская, что численность первых примерно соответствовала численности вторых, общую численность духовной элиты можно определить в пределах 7 тыс. человек.

Суммируя приведенные выше показатели, мы получим около 25 тыс. человек. Даже если сделать поправку на недоучет некоторых элементов элиты российского общества начала XX века и увеличить данный показатель до 30 тыс. человек, очевидно, что судьба страны находилась в руках очень ограниченного круга лиц. В связи с этим представляется возможным не только персональное определение состава элиты, но создание банка биографических данных обо всех ее представителях. Располагая таким банком данных, можно будет нарисовать конкретный портрет элиты российского общества начала XX века, определить ее качественный уровень, выяснить источники и пути формирования, установить те родственные приятельские, деловые и иные связи, которые существовали между отдельными ее представителями и таким образом понять, на какие именно группировки она распадалась, какие противоречия между ними существовали и почему эти противоречия сделали российскую элиту неспособной предотвратить собственную гибель.

Одна из первых задач, которая встает в связи с этим, заключается в выяснении, насколько установленный на основании формальных признаков круг лиц, входивших в состав элиты, включал

в себя лиц, наиболее способных и подготовленных для выполнения соответствующих социальных функций. Вероятно, следует считать аксиомой, что при всех прочих равных большей жизнеспособностью отличается то общество, в котором функционирует наиболее эффективный механизм мобилизации интеллектуального потенциала общества, его профессиональной ориентации и подготовки, а также практического использования. Это предполагает специальное изучение (именно с данных позиций) существовавшей в дореволюционной России системы народного образования, организации государственной службы, особенностей развития экономической и духовной жизни страны.

Для понимания характера российской элиты начала XX века важное значение имеет выяснение ее внутренней структуры с точки зрения происхождения отдельных ее представителей. Речь идет не только о выяснении ее социальных, национальных и экономических корней, но и об установлении степени ее обновляемости, т. е. об определении соотношения внутри элиты ее представителей в первом, втором и других поколениях. Для России начала XX века данная проблема имеет особое значение, так как вся пореформенная эпоха характеризовалась трансформацией социальной структуры общества, перераспределением внутри общества экономической и политической власти между поместным дворянством и буржуазией, а, следовательно, и трансформацией самой элиты. Одновременно этим происходила перестройка и ее социальных связей: ослабление связей бюрократической, военной и духовной элит с земельной аристократией и усиление связей с предпринимательскими кругами. Данный процесс уже давно стал предметом специального изучения.

Работами Б. Б. Дубенцова, П. А. Зайончковского, А. П. Корелина, С. В. Мироненко, В. И. Оржеховского достаточно убедительно показано, что к началу XX

века отделение политической власти от власти земли зашло настолько далеко, не только чиновники низших рангов, но и статские генералы уже жили в основном не за счет доходов от земли, а за жалования [17]. Так, в 1902 г. 73% чиновников I-IV класса вообще не имели земли или же имели владения до 100 десятин земли, которые чаще всего использовались как загородные дачи, а не как источник дохода. И даже среди чиновников I-II классов этот показатель составлял 49% [18].

Сложнее определить связи военной и бюрократической элиты с предпринимательством. Эта проблема рассматривается в работах А. Н. Боянова, Б. Б. Дубенцова, П. А. Зайончковского, А. П. Корелина, В. Я. Лаверычева. Причем если П. А. Зайончковский и Б. Б. Дубенцов не обнаруживают широких и тесных связей высшей бюрократии и генеральства с предпринимательством, [20] то А. Н. Боянов и А. П. Корелин наоборот, подчеркивают значительное их развитие [21]. Конкретное представление на этот счет должны дать будущие исследования. Можно лишь отметить, что использованная Б. Б. Дубенцовым методика учитывает только прямые связи и только по линии участия представителей бюрократической элиты руководством акционерно-паевыми предприятиями. В результате этого, например, в число лиц, связанных с предпринимательством, у него не попал министр императорского двора В. Б. Фредерикс, фамилии которого действительно нет в справочнике «Акционерно-паевые предприятия России», но ее мы находим в справочнике «Вся Россия» (Отд. «Фабрично-заводская промышленность») [22]. Нет в этих справочниках и фамилии директора Департамента полиции К. Д. Кафафова, зато мы видим среди учредителей и акционеров Тифлисского коммерческого банка фамилию его тестя [23].

Ни одно государство не существует изолированно, поэтому элита любой страны имеет определенные связи с

внешним миром. Причем если в эпоху феодализма подобные связи имели, прежде всего, родственный характер, то в эпоху промышленного переворота, когда началась ломка национальных границ и формирование единого мирового рынка, все большее и большее значение стали приобретать связи экономические. В результате этого борьба противоречий внутри российской элиты начала XX века постепенно становилась отражением и той борьбы, которая шла в мире. Без осознания данного обстоятельства изучения этой проблемы понять складывание кризиса верхов, а значит и кризиса российской элиты невозможно.

Начинать эту работу, по всей видимости, нужно с признания того очевидного для всех факта, что стоявшая во главе России правящая династия имела не русское, а иностранно происхождение. Царствовавший в нашей стране с 1613 г. род Романовых пресекся в 1730 г. со смертью Петра II, не оставившего мужского потомства. И эпоха дворцовых переворотов (1725-1762 гг.) в значительной степени представляла собой династическую борьбу за обладание русским престолом. И ход этой борьбы определился в 1761 г., когда на престол взошел сын герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готорпского – Карл Петр Ульрих, который принял имя Петра III и положил начало русской ветви этой немецкой династии. Именно она и правила Россией вплоть до 1917 г. В результате этого с середины XVIII в. царская фамилия оказывается тесным образом связана с Германией, с тем, что происходило в Западной Европе. А поскольку в руках этой фамилии находились рычаги управления такой крупной державы как Россия, то это не могло не наложить отпечатка на ее внешнюю и внутреннюю политику. Обстоятельство, которое до сих пор никто не желает признавать, а, следовательно, и специально изучать.

Первоначально в России искали счастья главным образом лица военных профессий, со временем усиливается

приток иностранного капитала и предпринимательских элементов. В результате этого, если первоначально иностранцы интегрировались в состав бюрократической, военной и духовной элиты, то в XIX – начале XX века они все в большей и большей степени интегрируются в состав элиты предпринимательской. А поэтому, вероятно, имеет смысл поставить вопрос о роли иностранного элемента в формировании российской буржуазии.

Действительно, в 1908 г. примерно из 3,0 млрд. руб. акционерного капитала около 1,2 млрд., или же почти 40% концентрировалось в руках иностранцев [24, С. 167]. Разумеется, в общей численности российской буржуазии удельный вес иностранных подданных был значительно меньше, однако не учитывать его вообще, как это обычно делается, на мой взгляд, является крупной ошибкой. Уступая русским предпринимателям по численности и капиталу, иностранные подданные обладали гораздо большей экономической силой, так как за их спиной находилась мощь зарубежных банков и предприятий. Так, среди далеко не самых крупных российских акционеров был, например, американский бизнесмен Сайрус Мак-Кормик, являвшийся зятем известного нефтяного короля Джона Рокфеллера и входивший в директорат одного из крупнейших американских кредитных учреждений «Нейшил сити бэнк», а одним из руководителей «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного товарищества» был И. М. Эфруси – зять французского банкира Альфонса Ротшильда. В этих условиях борьба, происходившая внутри России, оказывалась под влиянием внешних факторов, и они не могли не влиять на борьбу, которая шла внутри российской элиты.

Трансформация социальной структуры, происходившая в России на протяжении XIX – начала XX вв. и характеризовавшаяся, с одной стороны, разрушением старых феодальных сословий

(дворянства и крестьянства), а с другой стороны, формированием новых классов (буржуазии и пролетариата), имела своим следствием обострение противоречий не только между «низами» и «верхами» общества, но и в самих «верхах», между дворянством и буржуазией, между «старой» и «новой» элитой. Одним из следствий роста противоречий в «верхах» общества было выделение из состава российской элиты либерально-оппозиционных и революционных элементов. Весьма распространено мнение, согласно которому революционные настроения были характерны только для незначительной части дворянства и только на заре освободительного движения (декабристы), затем по мере вовлечения в общественную борьбу все более и более широких слоев населения дворянство и буржуазия проникаются контрреволюционным настроениями. Однако эти представления находятся в резко противоречии с конкретным фактическим материалом, который свидетельствует, что XIX – начало XX века характеризовались ростом либерально-оппозиционных и революционных настроений не только в «низах», но и в «верхах» общества. И если в рядах декабристов насчитывалось несколько сот человек, то в начале XX века только внутри элиты российского общества декабристски настроенных элементов было в несколько раз больше. Сами они не всегда играли активную роль (в всяком случае видимую для нас), но пытались оказывать свою поддержку революционному движению и использовать его своих целях.

В связи с этим, несомненно, важное значение имеет такой вопрос, как вопрос о финансовой поддержке революционного движения [25]. Можно утверждать, что в начале XX века он ежегодно аккумулировал сотни тысяч, если не миллионы рублей. Так, по данным Департамента полиции, бюджет армянской революционной партии «Дашнакцутюн» официально составлял в 1890 г. 130 тыс. франков, или же около 50 тыс. руб. в

1895–1898 гг. около 500 тыс. франков (примерно 185 тыс. руб.), в 1904 г. – 800 тыс. франков (почти 300 тыс. руб.) и в 1908 г. – один миллион франков или же 370 тыс. руб. [26] Это бюджет только одной партии. Можно также привести свидетельство большевика В. К. Таратуты, который с конца 1905 до начала 1908 гг. занимался добыванием денег для партии большевиков. За эти два с половиной года, по его словам, он несколько раз единовременно вносил в партийную кассу по несколько сот тысяч рублей. Если перевести эти слова на язык конкретных цифр и даже взять по минимуму, мы получим не менее одного миллиона за два с половиной года, т. е. около 400 тыс. руб. в год [27, С. 84]. Это только через одного В. К. Таратуту. Кто же поддерживал революционное подполье? Характеризуя эти связи, один из видных большевиков Н. Е. Буренин писал «До 1906 г. мы пользовались самым широким содействием пи терской интеллигенции, даже крупной буржуазии и аристократии. Мы хранили нашу литературу в квартирах видных царских сановников, прокуроров, гвардейских офицеров, вплоть до великих князей» [28, С. 24]. Поддержка, которую революционное движение встречало в верхах общества, не могла не вызывать беспокойства со стороны карательных органов царизма, и 10 октября 1910 г. Департамент полиции счел необходимым обратить особое внимание местных жандармских управлений и охранных отделений на это обстоятельство: «По поручению господина товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова, писал директор Департамента полиции Н. П. Зуев, – прошу обратить особое внимание на лиц, явно не участвующих в революционных выступлениях, но сочувствующих противоправительственному движению и тайно оказывающих те или иные услуги революционной деятельности («симпатики»), вести учет этих лиц, следить за всем происходящим в их среде и неуклонно

доносить о всяком оживлении и революционном подъеме среди них» [29].

Вступление России в первую мировую войну было своеобразным испытанием на прочность внутриклассовой солидарности в правящих верхах. Очевидно, что перед лицом внешней опасности враждующие между собою группировки внутри российской элиты должны были заключить, по крайней мере, перемирие, а это означало, что на время они должны были отказаться от поддержки не только революционного, но и оппозиционного движения в стране. И первоначально такой «гражданский мир», судя по всему, был заключен, однако он просуществовал очень недолго. Под влиянием военных неудач, особенно после летнего отступления 1915 г. борьба в правящих верхах России вспыхивает опять. Одновременно стало наблюдаться расширение как либерально-оппозиционного, так и революционного движения. Считая данный факт бесспорным, вместе с тем приходится констатировать, что накал революционной борьбы к началу 1917 года не достиг такой остроты, которая давала бы основание думать, что дни существующего режима сочтены. Складывается впечатление, которое, правда, нуждается в проверке, что в своем развитии «кризис верхов» опережал развитие открытого либерально-оппозиционного движения, а оно опережало развитие революционного движения.

При этом нельзя не учитывать, что в любом обществе наряду с открытой оппозицией существует оппозиция скрытая, а последняя имеет не только активный, но и пассивный характер. В результате этого степень видимой изоляции власти, как правило, не соответствует действительным ее масштабам. Это со всей ясностью обнаружилось уже в самом начале Февральских событий 1917 г., когда на стороне прежнего режима не оказалось сколько-нибудь активных и влиятельных сторонников даже среди бюрократической элиты. Однако дальнейшее

развитие событий показало, что более или менее единодушно отказав прежнему режиму в поддержке, элита российского общества не проявила единства действий в дальнейшем. значит, что соглашались на смену власти, разные группировки в правящих верхах России преследовали разные цели. Резкое обострение борьбы в правящих верхах явилось одной из причин складывания самого настоящего паралича власти, которым характеризовались все восемь месяцев существования Временного правительства. А по мере того как складывался и обострялся этот паралич, по мере того как правительство теряло контроль за развитием событий, происходило обострение экономического кризиса и расширение стихийного народного движения. Завершением этого и был переход власти в руки партии большевиков.

Долгое время Октябрьские события 1917 г. рассматривались в нашей литературе исключительно с точки зрения стихийного развития революционного кризиса. Между тем, есть основания думать, что способствуя развитию этого кризиса, идя на штурм власти, партия большевиков не только использовала раскол внутри правящих верхов, но и смогла достигнуть соглашения хотя и с меньшей по численности, но все-таки достаточно влиятельной частью российской элиты [30]. Во всяком случае, определенная поддержка с ее стороны была получена с первых же дней существования Советской власти. Достаточно отметить, что ее поддержало около 750 генералов – это около четверти всей военной элиты дореволюционной России [31, С. 178]. Советская власть смогла получить поддержку и со стороны некоторых других ее представителей. Касаясь данной проблемы, Г. В. Чичерин в одном из своих интервью отмечал: «Бывшие крупные капиталисты и даже царские министры всегда играли у нас большую роль в наших центральных учреждениях. Если

большая часть этих элементов широко бойкотировала и продолжает бойкотировать нас, то это их вина, а не наша» [32, С. 240].

В связи с этим перед нами стоит задача выяснения судьбы отдельных представителей российской элиты после 1917 г. Дело заключается не только в определении тех жертв, которые понесли правящие «верхи» общества в результате революции гражданской войны, но и в установлении того, какая часть элиты российского общества поддержала Советскую власть, а какая возглавила Белое движение. Получив конкретное представление на этот счет и зная связи между отдельным представителями российской элиты до революции, а также связи с предпринимательскими и политическими кругами за рубежом, можно будет понять, какие именно (внутренние или внешние) противоречия, сыграв главную роль в развитии «кризиса верхов», привели к параличу власти и раскололи элиту на два непримиримых лагеря.

Важное значение имеет также выяснение судьбы отдельных представителей элиты российского общества в каждом из этих политических лагерей. Особенно это касается Советской России. В свое время среди белой эмиграции довольно широко были распространены надежды на то, что когда революционные страсти улягутся, и настанет черед для прозаических будней, представители старой элиты без труда отодвинут на задний план своих недавних революционных союзников и таким образом осуществят в России политический переворот. Именно на этих надеждах руководители ОГПУ строили свою знаменитую операцию «Трест». Однако факты свидетельствуют, что жертвами сталинского террора стали и сама партия большевиков, осуществившая революцию, и ее союзники из числа старой элиты. Кто же тогда возглавил и осуществил советский термидор?

Список источников и литературы

1. О моей позиции в данном вопросе см.: Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 129-187.
2. В данном случае понятие «революция» употребляется как синоним понятия «политический переворот».
3. Водарский Н. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 243 с.
4. Систематический свод статистических данных, разработанных для высочайше учрежденного Особого совещания по делам дворянского сословия / сост. ст. сов. Березиным. СПб.: Тип. МВД, 1900. ХХIV, 450 с.
5. Список гражданским чинам первых четырех классов. Испр. по 1 сент. 1916 г. Пг.: Сенат. тип., 1916. IV, 298 с.
6. В апреле 1914 г. в России насчитывалось около 1,5 тыс. генералов (Список генералам по старшинству. СПб., 1914). За 1914-1917 гг. в генералы было произведено примерно 2,0 тыс. человек. В то же время по разным причинам часть генералов выбыла из строя. Список генералам по старшинству. Сост. по 1 апр. 1914 г. СПб.: Воен. тип., 1914. XII, 345 с.
7. По избирательному закону 11 декабря 1905 г., на основании которого производились выборы в первые две Государственные думы, численность ее депутатов составляла 524 человека (Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. СПб., 1908. Приложение). Избирательный закон 3 июня 1907 г. сократил число депутатов Государственной думы до 442 человек (ПСЗ. Соб. III. Т. XVII. СПб., 1910. Приложение. С. 198). Указом 20 февраля 1906 г. численность членов Государственного Совета была определена в количестве 196 человек: 98 – выборных и 98 – по назначению. (Там же. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. С. 155).
8. Этот подсчет сделан в отношении тех политических партий, которые были представлены в I-IV Государственных думах.
9. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. 1907-1911 гг. Л.: Наука, 1978. 240 с.
10. Сравнительная табель классов должностей и окладов содержания высших и центральных государственных учреждений. Составлено по 10 марта 1903 г. СПб., Сенат. тип., 1903. 45 с.
11. Одним из важнейших в этом отношении источников являются списки избирателей (по землевладельческой курии) в I-IV Государственную думу (1906, 1907 и 1912 гг.).
12. Минарик Л. М. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1971. 210 с.
13. Дякин В. С. Указ. соч. С. 7.
14. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 М., 1992 267 с. Ср.: Боханов А. Н. Предпринимательская элита России начале XX в. // Крупная аграрная и промышленная буржуазия России Германии в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 25-45.
15. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации / под ред. А. С. Суворина. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 2456 стб.
16. Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь, 1917-1920 гг. М., 1976. 350 с.; Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. Статистические исследования. М 1950. С. 35.
17. Зайончковский. П. А.: 1. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978 288 с.; 2. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX XX столетий 1881-1903 гг. М., 1973; Дубенцов Б. Б. Высшее чиновничество России в конце XIX – начале XX века // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в начале XX века. С. 46-84. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М 1979, С. 97-101; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 37-60; Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-е гг. XIX в. Горький, 1974.
18. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М.: Наука, 1979. 304 с.
19. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. С. 175-186; Корелин А. П. Указ. соч. С. 101-122; Дубенцов Б. Б. Указ. соч. С. 46-84; Лавертычев В. Я. Крупная буржуазия в поре-

форменной России. 1861-1900 гг. М., 1974. С. 13-87.

20. Дубенцов Б. Б. Указ. соч. С. 59; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавия. С. 223.

21. Боянов А. Н. Крупная буржуазия России. С. 180-181; Корелин А. П. Указ. соч. С. 101-122.

22. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации / под ред. А. С. Суворина. Т. 1. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. 1250 стб. С. 254, 379. См. также: С. 111. Краткий обзор 25-летней деятельности Тифлисского коммерческого банка. Тифлис, 1897. С. 11-12.

23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 5643. Л. 2 (Формулярный список К. Д. Кафафова).

24. Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. М. 1984. 290 с.

25. Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? // Из глубины времен. СПб., 1992. Вып. 1. С. 153-156.

26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Оп. 253. Д. 285. Л. 1-18.

27. Валентинов Н. Незнакомый Ленин. СПб... 1991. 180 с.

28. 1905 год. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). М.- Л., Госиздат, 1925. 150 с.

29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. 1910. Д. 308. Л. 1.

30. Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времен. 1993. Вып. 2. С. 160-161.

31. Кацарадзе А. Г. Военные специалисты на службе республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988. 280 с.

32. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV. 850 с.

Островский Александр Владимирович – д. и. н., доцент, профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (Санкт-Петербург, Россия), a.ostrovskij@yandex.ru

THE ELITE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES: SOME ISSUES OF HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

A. V. Ostrovsky

The article offers a new perspective on the causes and mechanisms of the 1917 revolutionary events in Russia through the lens of the ruling elite's crisis. The author criticizes simplified models of revolutions that existed in historiography and identifies three possible models, noting that Russia in 1917 combined elements of all three. The key argument is the thesis of the internal heterogeneity and deep division within the society's "upper echelons" as the main prerequisite for revolution. The focus is on analyzing the structure and composition of the early 20th-century Russian elite (bureaucratic, military, parliamentary, party, landowning, entrepreneurial, spiritual), assessing its size (approximately 25-30 thousand people), and its internal contradictions. The article examines the socio-economic roots of the elite, its ties to foreign capital, as well as the role of liberal-oppositional and even revolutionary elements within it. The author sets the task of a personal study of the elite, creating a biographical database of its representatives to understand the causes of the paralysis of power that led to the fall of the old regime and the Bolsheviks' rise to power, who received support from part of the old elite.

Keywords: 1917 Revolution, Russian elite, crisis of the upper echelons, models of revolution, class struggle, bureaucratic elite, military elite, landowning aristocracy, entrepreneurial elite, social structure, foreign capital, support for the revolutionary movement, February Revolution, October Revolution, Civil War, historiography.

References

1. *Ostrovskij A. V. Oktyabr'skaya revolyuciya: sluchajnost? istoricheskij zigzag? ili zakonomernost?* [The October Revolution: An Accident? A Historical Zigzag? Or a Pattern?] // Iz glubiny vremen [From the Depths of Time]. Iss. 2. Saint Petersburg, 1993. pp. 129-187. (In Russ.)
2. In this instance, the term "revolution" is used synonymously with "political coup."
3. *Vodarskij N. E. Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII veka* [The Population of Russia in the Late 17th – Early 18th Century]. Moscow: Nauka, 1977. 243 p. (In Russ.)
4. *Sistematischeskij svod statisticheskikh dannykh, razrabotannykh dlya vysochajshe uchrezhdennogo Osobogo soveshchaniya po delam dvoryanskogo sosloviya* [Systematic Summary of Statistical Data Developed for the Specially Established Supreme Conference on Affairs of the Noble Estate] / sost. st. sov. Berezinym. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1900. XXIV, 450 p. (In Russ.)
5. *Spisok grazhdanskim chinam pervykh chetyrekh klassov. Ispravlen po 1 sentyabrya 1916 g.* [List of Civil Ranks of the First Four Classes. Corrected as of September 1, 1916]. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1916. IV, 298 p. (In Russ.)
6. In April 1914, there were approximately 1.5 thousand generals in Russia (*Spisok generalam po starshinstvu* [List of Generals by Seniority]. Saint Petersburg, 1914.). During 1914-1917, about 2.0 thousand individuals were promoted to the rank of general. At the same time, a number of generals left the service for various reasons. *Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 aprelya 1914 g.* [List of Generals by Seniority. Compiled as of April 1, 1914]. Saint Petersburg: Voen. tip., 1914. XII, 345 p. (In Russ.)
7. According to the electoral law of December 11, 1905, which governed the elections to the first two State Dumas, the number of deputies was 524 (*Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XXV. Saint Petersburg, 1908. Prilozhenie [Appendix]). The electoral law of June 3, 1907 reduced the number of State Duma deputies to 442 (*PSZ* [Polnoe sobranie zakonov]. Sobr. III. Vol. XVII. Saint Petersburg, 1910. Prilozhenie [Appendix]. p. 198). By decree of February 20, 1906, the number of State Council members was set at 196: 98 elected and 98 appointed (*Ibid.* Vol. XXVI. Part 1. St. Petersburg, 1909. P. 155).
8. This calculation pertains to those political parties that were represented in the First through Fourth State Dumas.
9. *Dyakin V. S. Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo. 1907-1911 gg.* [Autocracy, the Bourgeoisie and the Nobility. 1907-1911]. Leningrad: Nauka, 1978. 240 p. (In Russ.)
10. *Sravnitel'naya tabel' klassov dolzhnostej i okladov soderzhaniya vysshikh i central'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeneij. Sostavлено po 10 marta 1903 g.* [Comparative Table of Position Classes and Salaries of Higher and Central State Institutions. Compiled as of March 10, 1903]. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1903. 45 p. (In Russ.)
11. One of the most important sources in this regard are the voter lists (for the landowner curia) for the First through Fourth State Dumas (1906, 1907, and 1912).
12. *Minarik L. M. Ekonomicheskaya kharakteristika krupnejshikh zemel'nykh sobstvennikov Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Economic Characteristics of the Largest Landowners in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1971. 210 p. (In Russ.)
13. *Dyakin V. S. Op. cit. P. 7.*
14. *Bokhanov A. N. Krupnaya burzhuaziya Rossii. Konets XIX v. – 1914 g.* [The Big Bourgeoisie of Russia. Late 19th Century – 1914]. Moscow, 1992. 267 p. (In Russ.) Cp.: Bokhanov A. N. *Predprinimatel'skaya el'ita Rossii v nachale XX v.* [The Entrepreneurial Elite of Russia in the Early 20th Century] // *Krupnaya agrarnaya i promyshlennaya burzhuaziya Rossii i Germanii v konce XIX – nachale XX vv.* [Large Agrarian and Industrial Bourgeoisie of Russia and Germany in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1988. pp. 25-45. (In Russ.)
15. *Vsya Rossiya: Russkaya kniga promyshlennosti, torgovli, sel'skogo khozyajstva i administracii* [All Russia: The Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration] / pod red. A. S. Suvorina. Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1912. 2456 stb. (In Russ.)
16. *Izmeneniya social'noj strukturny sovetskogo obshchestva. Oktyabr', 1917-1920 gg.* [Changes in the Social Structure of Soviet Society. October, 1917-1920]. Moscow, 1976. 350 p.;

Sinetskij A. Ya. Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshej shkoly SSSR. Statisticheskie issledovaniya [Professor and Teaching Staff of Higher Education in the USSR. Statistical Research]. Moscow, 1950. p. 35. (In Russ.)

17. *Zajonchkovskij P. A.*: 1. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, 1978. 288 p.; 2. Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletij 1881-1903 gg. [Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th-20th Centuries 1881-1903]. Moscow, 1973. (In Russ.) Dubencov B. B. Vysshee chinovnichestvo Rossii v konce XIX – nachale XX veka [The Higher Officialdom of Russia in the Late 19th – Early 20th Century] // Krupnye agrarii i promyshlennaya burzhuaziya Rossii i Germanii v nachale XX veka [Large Agrarians and Industrial Bourgeoisie of Russia and Germany in the Early 20th Century]. pp. 46-84. (In Russ.) Korelin A. P. Dvorianstvo v poreformennoj Rossii. 1861-1904 gg. [The Nobility in Post-Reform Russia. 1861-1904]. Moscow, 1979. pp. 97-101. (In Russ.) Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia in the Early 19th Century]. Moscow, 1989. pp. 37-60. (In Russ.) Orzhekhevskij I. V. Iz istorii vnutrennej politiki samoderzhaviya v 60-70-e gg. XIX v. [From the History of the Internal Policy of Autocracy in the 1860s-70s]. Gor'kij, 1974. (In Russ.)

18. *Korelin A. P.* Dvorianstvo v poreformennoj Rossii. 1861-1904 gg. [The Nobility in Post-Reform Russia. 1861-1904]. Moscow: Nauka, 1979. 304 p. (In Russ.)

19. *Bokhanov A. H.* Krupnaya burzhuaziya Rossii [The Big Bourgeoisie of Russia]. pp. 175-186; Korelin A. P. Ukaz. soch. [Op. cit.]. pp. 101-122; Dubencov B. B. Ukaz. soch. [Op. cit.]. pp. 46-84; Laverychev V. Ya. Krupnaya burzhuaziya v poreformennoj Rossii. 1861-1900 gg. [The Big Bourgeoisie in Post-Reform Russia. 1861-1900]. Moscow, 1974. pp. 13-87. (In Russ.)

20. *Dubentsov B. B.* Op. cit. P. 59; Zaionchkovsky P. A. The Government Apparatus of Autocracy. P. 223.

21. *Bokhanov A. N.* The Big Bourgeoisie of Russia. Pp. 180-181; Korelin A. P. Op. cit. Pp. 101-122.

22. Vsya Rossiya: Russkaya kniga promyshlennosti, torgovli, sel'skogo khozyajstva i administracii [All Russia: The Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration] / pod red. A. S. Suvorina. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1899. 1250 stb. pp. 254, 379. Also: p. 111. (In Russ.) Kratkij obzor 25-letnej deyatel'nosti Tiflisskogo kommerseskogo banka [Brief Review of the 25-Year Activity of the Tiflis Commercial Bank]. Tiflis, 1897. pp. 11-12. (In Russ.)

23. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1405. Op. 544. D. 5643. L. 2 (Formulyarnyj spisok K. D. Kafafova [Service Record of K. D. Kafafov]). (In Russ.)

24. *Bovykin V. I.* Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii [The Formation of Financial Capital in Russia]. Moscow, 1984. 290 p. (In Russ.)

25. *Ostrovskij A. V.* Kto stoyal za spinoj Stalina? [Who Stood Behind Stalin's Back?] // Iz glubiny vremen [From the Depths of Time]. Saint Petersburg, 1992. Iss. 1. pp. 153-156. (In Russ.)

26. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. DP OO. Op. 253. D. 285. L. 1-18. (In Russ.)

27. *Valentinov N.* Neznakomyj Lenin [The Unfamiliar Lenin]. Saint Petersburg, 1991. 180 p. (In Russ.)

28. 1905 god. Boevaya gruppa pri CK RSDRP(b) [1905. The Combat Group at the Central Committee of the RSDLP(b)]. Moscow-Leningrad, Gosizdat, 1925. 150 p. (In Russ.)

29. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. DP OO. 1910. D. 308. L. 1. (In Russ.)

30. *Ostrovskij A. V.* Oktyabr'skaya revolyuciya: sluchajnost'? istoricheskij zigzag? ili zakonomernost'? [The October Revolution: An Accident? A Historical Zigzag? Or a Pattern?] // Iz glubiny vremen [From the Depths of Time]. 1993. Iss. 2. pp. 160-161. (In Russ.)

31. *Kavtaradze A. G.* Voennye specialisty na sluzhbe respubliki Sovetov. 1917-1920 gg. [Military Specialists in the Service of the Soviet Republic. 1917-1920]. Moscow, 1988. 280 p. (In Russ.)

32. Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Foreign Policy Documents of the USSR]. Moscow, 1960. Vol. IV. 850 p. (In Russ.)

Ostrovsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), a.ostrovskij@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Островский А. В. Элита российского общества XIX – начала XX веков: некоторые проблемы истории и историографии // Социогуманитарные коммуникации. – 2025. – № 4(14). – С. 53-66.

FOR CITATION:

Ostrovsky A. V. Elita rossijskogo obshchestva XIX – nachala XX vekov: nekotorye problemy istorii i istoriografii [The elite of Russian society in the 19th and early 20th centuries: some issues of history and historiography] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2025. № 4(14). P. 53-66.